

Прошло больше двадцати лет после того, как Казань была взята войсками царя Ивана Грозного. Жизнь входила в мирное русло, постепенно город заполнялся русскими переселенцами. Местная часть жителей Казани по приказу царя была выселена за стены Кремля, за две с лишним версты¹, на другой берег озера Нижний Кабан, дабы не провоцировать конфликты и неурядицы. Русские поначалу поселились в Кремле и стали вокруг крепости потихоньку строить дома, тем самым организовывая посад. Архиепископ Гурий², бывший наместник Иосифо-Волоколамского монастыря, присланный в Казань по приказу царя Ивана, развил бурную пастырскую деятельность: в городе появились храмы, стали проводиться величественные праздничные службы, творились трапезы для нуждающихся, среди татар, мордвы и черемисов велась агитация по переходу в Православие. Первые монастыри на земле Казанской закладывал Владыка Гурий, при нём построили Благовещенский кафедральный Собор в Кремле и более десяти церквей в городе и по окрестностям.

Тем самым Русское государство укреплялось в новых землях. Тем, кто решится на судьбоносный шаг по поводу смены веры из Ислама в Православие, были обещаны льготы по земельным наделам, по податям Русскому царю, а представителям знати, беям и огланам, был обещан карьерный рост, приближение ко двору Ивана Васильевича, начальственные и военные должности в иерархии Московского государства. Многие, но не все из казанских мурз и огланов, сделались князьями, боярами, дворянами, положили начало известным в будущем русским фамилиям. Но речь сейчас пойдёт не об этом, а о маленькой девочке, жительнице Посада Казанского, которую удостоила своей встречей сама Царица Небесная, Пречистая Мать Господа нашего Иисуса Христа, Пресвятая Богородица. Эта история случилась в лето 1579 года от Рождества Христова. Дело было так...

¹ Верста – старорусская единица измерения расстояния, 1066,9 метра

² Архиепископ Гурий (в миру Григорий Григорьевич Руготин, 1500–1563) – епископ Русской православной церкви, первый архиепископ Казанский и Свяязский

КАЗАНЬ

В стрелецкой слободе у Данилы и Прасковьи Онучиных, людей праведных и благонравных, росла смышлёная девочка Матрёна, девяти лет, белокурая, большеглазая озорница и проказница. Отец Матрёны, стрелецкий десятник, служил в войске, воевал на казанских стенах, потом по лесам черемисов да мордву гонял, да так и остался в городе, только жену перевёз с маленьким сыном Николкой из Рязани. А в Казани уж и Матрёна народилась... Чем-то зацепила стрельца Данилу земля Казанская, может, красотой своей, может, рыбалкой хорошей или щедростью угощений татарских, а может, и чем-то ещё... Родители в Рязани уже почили, на родину не тянуло, а на новом месте, глядишь, и жизнь пойдёт по-другому, горести забудутся, дети народятся, да, и опять же — дело Государево. Служивые люди живут там, где прикажут! Данила и Прасковья были уже в летах. Данила нёс службу в Кремлёвском гарнизоне, который был расквартирован в Казани, и потихоньку стрельцы оставленные властью в новых землях, стали перевозить родню, семьи и ближних людей из разных мест Руси в присоединённый город. А те русские парни, которые ещё были молоды и неженаты, стали себе подыскивать жён среди татарочек. Татарочки симпатичные, круглолицые, глазастые, только поскуластей немного, и говорят не по-нашему. Щебетуньи такие.. Шустрые, в общем... Местные жители, бабаи и абийки¹, родители, деды и бабки девушек, сердито ворчали, поначалу высказывали дочерям и внукам своё недовольство... Но ведь поубивало женихов-то в битвах да в походах, много молодых парней полегло! Кто за казанцев, кто за царя московского голову сложил, за кого замуж-то выходить? Продолжать род надо, детишек рожать, молодой век — короткий, не в девках же сидеть. Встречаться стали русские парни с казанскими девушками, а там и до сватов дошло! Мирная жизнь брала своё, и пошли-поехали браки смешанные, от которых стало прирастать население мирной Казани...

Маленькая Матрёна росла непоседой, с утра до ночи пропадала на улице, бежала во дворе, убегала то в Кремль к зодчим на стройку, которые трудились и днём, и ночью, исполняя царёвы приказания, то в Татарскую слободу, где завела себе подружку Саният. Родители Матрёны опасались, что местные девочке могут навредить, отношения между русаками и казанцами были сложными, два великих народа только притирались друг к другу, учились жить вместе. Мать ругалась: «Не бегай к татарам, не дружи с ними!», но Матрёна не слушала... Дети-то ведь дружат не потому, что они разных национальностей, разных языков, а потому, что они дети! Им не свойственна неприязнь к чужакам, вражда к незнакомому языку, к другой вере. Они дружат с теми, кто посмотрел ласково, кто доброе слово сказал и конфету дал, кто улыбнулся да по головке погладил. В Татарской слободе Матрёну не обижали. Родители Саният, Ахмет и Шамиля, угощали девочку перемячами, чак-чаком и халвой², поили чаем, который у русских был ещё в диковинку. Население Казани, окрестных городков и сёл понемногу училось говорить по-русски, надо ведь уживаться с пришлыми новыми соседями, дела вести, землю пахать, налоги платить, торговать. Родители Саният, робко объясняясь с Матрёной, просили девочку научить их русским словам. А сама Саният уже бойко говорила по-русски. Девочка была рыжей, голубоглазой, со вздёрнутым носиком и множеством косичек, которые смешно торчали из-под зелёной тубетейки. Имя «Саният» означает «Великолепная». По заведённому обычаю это имя давали второй девочке в семье. Старшей сестре Саният, Кадрие, было шестнадцать лет, она была взрослой девушкой, невестой, на неё уже заглядывались татарские и русские

¹ Бабаи и абийки (тат.) — дедушки и бабушки

² Перемячи и чак-чак — национальные татарские блюда

парни. Маленьким проказницам ещё не было дела до девичьих переживаний, поэтому они весело проводили время, бегая по растущему, строящемуся после войны городу.

Как-то раз летним вечером Матрёна попрощалась с подружкой на берегу озера и побежала домой. Мать поругала за позднее возвращение, но девочка отшутилась: «Ничего, мама, ведь я же пришла, не потерялась, и волки меня не съели» и стала готовиться ко сну. Сон к невинной душе пришёл быстро. И приснилось Матрёне нечто чудное и яркое. Как бы идёт она по улице на базар за своими родителями, немного отстаёт от них, и вдруг её кто-то окликает. Маленькая девочка оборачивается и видит женщину средних лет, с красивым лицом, стройной фигурой, в багряных одеждах до пят. Та с улыбкой обращается к девочке:

— Матрёна, ты почему от отца с матерью отстаёшь, искать ведь тебя будут?!

Матрёна удивлённо спрашивает:

— Тётя, а откуда Вы меня знаете?

— А я, милая моя, всё знаю! Знаю, что ты большая проказница, дочь стрелецкого десятника Данилы, девяти лет отроду! И что у тебя в Татарской слободе живёт лучшая подружка, девочка с косичками Саняйт, которую ты ласково называешь Саней! Ведь правда?

Матрёна задумалась:

— Да, правда! А ещё что Вы знаете?

— Знаю про то, что родителей ты не слушаешься, убегаешь в Татарскую слободу к подружке, а они ищут тебя, волнуются, как бы тебя не обидел кто? Знаю, что перемячи татарские любишь, халву... Чай любишь пить... И ещё знаю, что шить ты любишь, уже маме помогаешь старые вещи чинить: швейная иголка — тоже твоя подружка, хочешь вырасти и стать мастерицей по швейному делу, вышивать одежды серебром и золотом... Это ведь тоже правда?

— Да, правда!

— А что имя твоё означает, знаешь?

Девочка наморщила лобик и смущённо задумалась:

— Неааа, не знаю... Матрёной мамка с папкой назвали!

— Были такие государства раньше: Древний Рим, Византия! Великие государства были, богатые, народу много жило в них... Города в них были большие, многолюдные, больше Москвы и Казани! Рим и Византию уважали и боялись все соседи... Войной против них редко кто шёл, да и шли когда, всё проигрывали больше... В них матрёнами, вернее, матронами называли знатных, почтенных женщин, жён властителей, господ этих государств... И тебя родители так называли...

Девочка наморщила лобик:

— Ну, я-то не знатная... Мой папа простой стрелецкий десятник...

— Кто знает, Матрёна, кто знает... Человек может быть незнатен по происхождению, но делами своими прославится, мужеством, твёрдым словом, справедливостью, пониманием сердец и нужд человеческих... Кто знает, может, и ты такой будешь, когда вырастешь?

Немного помолчав, женщина добавила:

— А родителям скажи — не волнуйтесь, ничего со мной не случится! Ты, малышка, татар не бойся, не обидят они тебя, нет среди них зверей да разбойников, люди как люди, есть и злые, и добрые, и работающие, и ленивые, и хмурые, сердитые, и улыбочивые, приветливые... Поэтому ходи к подружке в Татарскую слободу без опаски... Да и Ангел-хранитель сильный за тобой! Для другого дела Бог тебя припас...

Девочке Матрёне стало немного не по себе... Она спросила:

— Тётя, а Вы кто? А зовут Вас как?

Женщина промолвила:

— Зовут меня Марией... А вот кто я, рано тебе ещё знать, девочка! Скоро сама догадешься! Сейчас будь умницей, беги, догоняй родителей! Мы с тобой ещё встретимся! Не бойся и никому пока не рассказывай про знакомство со мной...

Матрёна, оглядываясь назад через плечо, посеменила за отцом и матерью. А женщина как бы исчезла... Обернувшись, Матрёна уже не увидела её — посадская улица из деревянных домов была пуста.

— Куда же тётя делась? — подумала Матрёна и проснулась... Крик соседского петуха её разбудил. Взрослые уже не спали, мать хлопотала по хозяйству, отец одевал повседневный стрелецкий кафтан и пояс, собираясь на службу в Кремль.

Два дня прошли спокойно. В хлопотах, в помощи родителям, в детских забавах быстро пролетело время. Когда же подошли выходные, сон повторился, Мария опять пришла к маленькой девочке... На этот раз она была в накидке и платье голубого цвета.

— Ну, здравствуй, Матрёна! Как тебе живется-поживается, маленькая шалунья?

— Здравствуйте, тётя Мария! Живётся и поживается мне хорошо, на этой неделе я родителей слушалась, маме помогала по хозяйству да с подружкой гуляла по Казани... А Вы как?

— Вот, опять пришла к тебе повидаться да поговорить! У меня тоже всё хорошо, живу себе потихоньку в хорошем месте. В том месте, где я живу, солнце, зелени много, деревья фруктовые, виноградники, яблоки, груши! Ароматы, благоухания! Реки текут, а в них воды сладкие...Птички щебечут, ветерок листву колышет, хорошо! А ты любишь сладости, Матрёна? Виноград пробовала? А яблоки? Там, где я живу, знаешь, какие яблоки? С ладонь человеческую! Просто огромные!

— Сладости я люблю, чак-чак, и особенно халву...И виноград, и груши тоже люблю... Но виноград здесь не растёт. Как у папки жалование бывает, мамка на базаре виноград покупает, его с Бухары купцы привозят. Яблоки растут здесь, но немного, их тоже с юга везут. Виноград и дыни сладкие, просто объедение, так бы ела и ела!!!

— Ну, Матрёна, человек не может одними сладостями питаться. Надо и простую пищу есть, кашу, хлеб. А сладости — это праздник для человека, особенно для того, кто сам на кусок хлеба зарабатывает, как мамка и папка твои. А чем ещё занят твой отец?

— Когда не на службе, то работает по хозяйству... Мы дом строим новый, брат Николка ему помогает по плотницкому делу, не захотел в стрельцы идти. Сами пока в старой избе живём, а на новый дом лес покупаем, брёвна толстые, папка и брат топорами и рубанками их обрабатывают, друг на друга складывают, получается сруб. Заканчивают уже. Новый дом большой будет, светлый...

— Да, Матрёна, дом строить — труда много. Дом у человека — главное богатство в жизни, каждый угол свой иметь должен! Ты папке своему скажи, чтобы не убивался он на стройке, чтоб здоровье своё берёг. Напрасным будет труд его, не станете вы в этом деревянном доме жить, хоть он и большой! А ты береги себя, не бегай по улице лишний раз, поближе к маме будь, ей помощь твоя понадобится в час лихой! Чтобы, когда она будет звать тебя, ты рядом была!

Девочка вопросительно наморщила лобик:

— А почему не будем жить в новом доме, тётя Мария?

— Не будете, и всё! Не любопытничай раньше времени, потом всё узнаешь... Любопытной Варваре на базаре нос оторвали — знаешь такую поговорку? Тебя же не Варвара зовут, а Матрёна! Вот и не любопытничай... А отцу своему всё равно скажи,

что я тебе поведала! Испытания ждут семью вашу! Потерпеть придётся! Для дела большого потерпеть! А теперь мне пора! Ещё увидимся!

Раз — сон исчез, растворился под утро. Девочка открыла глаза и увидела солнечный луч, пробивающийся из-за прикрытой створки окна... Да, странный сон, странная тётя! Как предупреждает о чём-то! Мамке надо рассказать!

Днём, когда отец был на службе, Матрёна подошла к матери.

— Мама, мне сказать тебе надо кое-что... Секрет один...

Мать обернулась к дочери, с улыбкой ответила:

— Секрет, говоришь? Наверное, нахулиганили в слободе Татарской с подружкой своей. А теперь боишься из дому выйти, думаешь, татары тебя вожжами отстегают! А подружку твою Саню, уж родители выпороли, небось?

Девочка сделала серьёзное лицо:

— Нет, мама, тут другое! Ко мне тётя красивая во сне приходит! Разговаривает со мной! Тётю Марией зовут... — Взгляд Матрёны наткнулся на икону Владимирской Божьей Матери в красном углу. — Вот, мама, она на Богородицу похожа! Говорит, что в новом доме жить мы не будем. Папка с братом напрасно работают и силы свои тратят, хлопоты зря пройдут...

Здесь уже матери стало не до смеха... Она взяла дочь за плечи, внимательно взглянула ей в глаза и спросила:

— Давно тебе такие сны снятся?

— Недавно, несколько дней всего... Два раза тётя во сне приходила!

— И о чём говорила она?

— Про фрукты рассказывала, про виноград и яблоки... Про сады, в которых живёт. Там в реках воды сладкие текут, деревья там с яблоками большими. Про вас с папкой спрашивала. Но плохого ничего не говорила.

Мать обняла дочь.

— Дай-ка я поцелую тебя, красавица моя! Ничего плохого с нами не случится, будем мы жить в новом доме! Не бойся Богу молиться и верить, что всё будет хорошо... И сны плохие пройдут!

Дочь прильнула к матери.

— Мама, это хорошие сны! И тётя Мария в них хорошая и добрая!

Прасковья погладила дочь по голове и подумала: «Дочка, не повредила ли ты умом? Бедный ребёнок, причастить тебя надо в церкви в ближайшее воскресенье!»

Вдруг с улицы раздался какой-то шум, потом загудел в ближайшей церкви колокол. Люди на улице забегали:

— Пожар, православные! Посад загорелся! Посад горит! Воды, воды давайте! Вёдра берите! Несите воду!..

Два дня бушевал пожар в Посаде, огонь вспыхивал то тут, то там. Лёгкий летний ветер налетал на город и разносил языки пламени. Деревянные дома вспыхивали, как сухой камыш на болоте. Люди тушили огонь, выстраивались в цепочки, передавали вёдра друг другу, воду черпали в Волге да Казанке, лили её на пылающие дома, пытались засыпать огонь песком и землёй. Молились Богу о прекращении стихии. И только на третий день огонь начал затихать. Строящийся дом родителей Матрёны сгорел дотла, одни угли остались, да и старая изба пострадала прилично, из четырёх стен уцелело только две. Прасковья горестно рыдала на пепелище. Даниле было жалко несбывшихся надежд, жену с детьми, своего труда. Он, как мог, пытался утешить жену, нежно обнимал её, говорил: «Не убивайся, суженая моя, ещё добра наживём. Все ведь живы, никто не погиб, не сгорел в пожаре. Смерть не исправить, а всё остальное поправимо!» Но всё равно горе семьи Онучиных было огромным.

Чумазая растрёпанная Матрёна со следами сажи на лице побежала на другое утро в слободу к подружке. Увидев Саният, она расплакалась: «Саня, дорогая подружка, у нас дом сгорел! И новый, и старый, угольки одни остались!» Саният попросила родителей, они быстро собрали, сколько могли, продукты: сыр, кусок вяленой конины, кобылье молоко, муку, немного перемячей, сушёные фрукты. Мать Саният дала Матрёне одеяло и кое-что из старой одежды. Саният вызвалась проводить подругу до Посада и всё донести. Девочки пошли вдоль озёрного берега. Путь шёл через лесок и небольшой овражек. Вдруг в овражке образовался как бы туман, белёсая подвижная дымка с неявными всполохами изнутри, которой минуту назад ещё не было... Девочки с опаской вступили в белое облако и увидели там Марию в золотых сияющих одеждах. Цвет одежд то переходил в огненный, то опять становился золотым, то багрово-красным, то с отливом в ярко-синие тона. Всполохи, отблески сияющего пламени пробегали волнами по одежде!

Саният прижалась к Матрёне, испугавшись: «Кто это?» Матрёна сказала: «Не бойся, Саня, это тётя Мария, она добрая! Она с иконы. Я с ней во сне разговаривала!»:

— Тётя Мария, что Вы тут делаете?
— К тебе пришла повидаться, Матрёна! А вы, шалуньи, куда путь держите?
— Тётя Мария, у меня горе, дом сгорел, который отец с братом строили. И старую избу пожар спалил. Я в слободу к Сане за продуктами ходила, сейчас домой поесть несусь.

— Расстраиваются родители, наверное?
— Мамка плачет всё время, отец утешает её как может... Брат молчит...
— Помнишь, говорила я тебе, что напрасным будет труд отца? Сказала ли ты родителям об этом?
— Отцу сказать не успела, он на службу в Кремль собрался... Мамке сказала, она испугалась. А потом пожар начался.

— Эх, Матрёна, Матрёна! А ещё самостоятельная девочка! Надо было в то же утро сказать родителям, пока папка твой в гарнизон не ушёл! Может, имущество и спасли бы от огня! Но знай — другой дом у родителей будет, а у тебя в будущем вообще появятся хоромы каменные, из белого камня, как Кремль Казанский! И имя у тебя, Матрёна, будет другое! А теперь послушай меня внимательно! Запомни хорошенько всё, что я скажу! Под вашим домом была зарыта икона старинная, которую тайно скрyli христиане сто лет назад, во время существования ханства Казанского... Опасались злых властей они, война же была постоянная между русскими и татарами. Теперь эту икону надо выкопать, она наружу, на свет Божий просится. Иди домой, родителям скажи, отойдите икону и отнесите архиепископу Иеремии¹... Не простая эта икона, а чудотворная, много великих дел через неё придёт на землю Русскую.

— Хорошо, скажу...
— Только обязательно скажи, Матрёна! Найдите эту икону! А то плохо будет не только тебе, но и близким твоим, всей семье, и дела по службе не пойдут, и здоровьем повредитесь. Воля на то Господа Бога нашего, а его слушать надо, Промысел его на пользу идёт людям.

— Хорошо, тётя Мария, всё мамке с папкой расскажу! Скажите, а почему наш дом сгорел?

— По Промыслу Божьему дом ваш сгорел. Иногда бывает так, Господь горе попускает людям, чтобы тайна какая-то открылась им. Когда Господь наш Иисус исцелил слепорождённого, дал ему зрение, ученики подступили к нему и спросили: «Господи,

¹ Архиепископ Иеремия (умер в 1581 году) — епископ Русской православной церкви, архиепископ Казанский и Свяжский



почему сей человек родился слепым? Сам он согрешил или родители его согрешили?» Господь Иисус ответил: «Не сам он согрешил, и не родители его согрешили, а родился слепым, чтобы узнались на нём дела Божии!»¹ Вот и твой дом, Матрёна, сгорел, чтобы узнались из-за этого дела Божии! Не горюйте и не убивайтесь, ещё добра наживёте! Во сто крат больше!

¹ Евангелие от Иоанна, глава 9, стих 1–3

За время разговора Марии с девочкой её подруга Саният всё время стояла молча, чуть дыша... Мария обратилась к ней:

- А у тебя как дела, татарская красавица!?
- Хорошо, тётя, все близкие живы-здоровы! — Только и смогла вымолвить притихшая Саният.
- Меня зовут Мария!
- А меня Саня! Мне про Вас Матрёна рассказывала!
- В ваших священных книгах тоже обо мне написано, и о Сыне моём... Вырасти, маленькая Саният, научись грамоте. Хорошо, когда люди говорят и читают на нескольких языках. А когда подрастёшь, прочитаешь Коран, найдёшь там строки про меня! И про Сына моего Святого!¹ Дружите, девочки, в мире живите, от дружбы много пользы бывает, на дружбу вашу с годами люди равняться будут! А теперь, проказницы, расходитесь по домам! Матрёна, иди к мамке и папке, всё им поведай, и ступайте на двор Архиепископа вашего, скажите ему, что я тебе сказала, и пусть людей вам даст пепелище раскопать...

* * *

На следующее утро на подворье архиепископа Иеремии, который заступил на кафедру Казанскую после почивших предшественников Гурия и Германа, народ ожидал Владыку. Много людей пришло с просьбами после пожара. Кто за благословением новый дом строить, кто неурядицы семейные решить, кто денег попросить хоть немного на пропитание, кто одеждой разжиться, всё сгорело ведь в пожаре-то. Священник Ермолай², ближний человек Архиепископа, тоже сидел на лавочке около крыльца. Сидел, прислонившись к стене, отдыхал от трудов двух-трёх минувших дней. Пришлось и ему побегать — то пожар тушил, то поручения Владыки выполнял, то молебен с акафистом с братией читали, чтобы пожар прекратился. На подворье зашла женщина средних лет, а с ней девчонка малая с большими глазами, обе в грязных подпалённых одеждах. Они прошли сквозь толпу и сразу направились к Ермолаю. Женщина сказала:

- Отче, здравствуй! Нам Владыка нужен по важному делу!
- Ермолай неспешно потянулся:
- И вам не хворать... Сами ждём Владыку, не выходил он ещё... А что за дело-то у вас?

Женщина нахмурилась:

- Не знаю, как и сказать-то! Может, лучше сразу Владыке?
- Ну, не хотите говорить — не надо... Тогда очередь к Владыке на разговор занимайте, глядите, сколько народу пришло...И все с просьбами! К вечеру, как достоятесь, переговорите...

Матрёна, повиснув на рукаве у матери, заговорщицки сказала Ермолаю, смотря на него своими большими глазами:

- Дядя, нам срочно надо!!! Важное дело для всех! А то потом пожалеешь, что нас не пустил! Нагоняй от Владыки получишь, посохом тебя побьёт!

¹ 19 Сура Священного Корана называется «Марьям», она названа в честь Матери Пророка Исы (Иисуса Христа)

² Священник Ермолай, затем Гермоген, патриарх Московский (1530–1612) — церковный деятель эпохи Смутного времени, священномученик, умер в польском заточении в Москве в Чудовом монастыре в 1612 году. В молодые годы служил настоятелем в Казани в Гостинодворской церкви святителя Николая Чудотворца. В 1587 году после смерти жены принял монашеский постриг. Переносил новоявленную икону Казанской Божьей Матери с места явления в церковь

Ермолай засмеялся:

— Ты-то, пуговка, куда лезешь? От горшка два вершка! У тебя-то какие дела важнее к Архиеерею? Говори, а то вдруг я и, правда, пожалею да нагоняй получу! А посох-то у Владыки и впрямь, длинный!

В сенях раздался шум, двери отворились, вышел Владыка в повседневном облачении, тёмной рясе и простом клобуке. Архиепископ Иеремия был высок, статен, с седой окладистой бородой, умные глаза внимательно смотрели из-под головного убора. В жизни владыка был скромен, в еде аскетичен, хоть и жил в палатах, но довольствовался малым, что имел — раздавал люду православному, да и мусульманам помогал и слыл в народе бессеребrenиком. Чуть прищурившись и улыбнувшись в густую бороду, Владыка молвил:

— Что за шум, а драки нет? Много народу сегодня пришло, отче Ермолай? А это что за юная особа? Дитятко, зачем вы пришли ко мне с мамкой?

— Владыка Честный, прости и благослови! — Ермолай согнулся в поклоне. Потом ответил за Матрёну:

— Вот, Владыка, говорят, дело до тебя есть срочное! Мне не говорят, что и как! Я их в очередь направил, они не идут, говорят, всё быстро решить надо...

Иеремия обратился к Прасковье:

— Надолго я вам нужен, чада мои? А то ведь дел у меня много в связи с пожаром!

— Прости и благослови, Владыка! Ненадолго, но дело срочное!

— Ладно, на крыльце несподручно говорить, пойдём в палаты!

В белокаменных палатах, удобно усевшись на архиерейский трон и усадив посетительниц на широкую лавку напротив, Владыка стал слушать рассказ Матрёны! Ермолай тоже присутствовал при разговоре, слушал молча. Молчала и Прасковья. Чем дальше шёл рассказ, тем больше Владыка изумлялся, его лицо выражало то недоумение, то удивление. То Владыка хмурился, сверлил мать и дочь умными глазами, словно не верил им. Иногда он задавал маме и дочке уточняющие вопросы. Выслушав девочку, он молвил:

— Чудны дела твои, Господи! Вот ведь случай... Ну что же вы хотите от меня, чада? Тут всё обмозговать надо! Да и не верится, если честно! Какая-то неправдивая история, на сказку похожа. Давайте вот что — вы сходите сейчас к воеводе Богдану Юрьевичу Сабурову, его покои здесь недалече, расскажите всё ему, как и мне... Чтобы принял он вас побыстрее, скажите, нас Владыка прислал, дело Государево. Пусть он вас выслушает, и что он скажет, интересно? А уж завтра наутро приходите ко мне опять, будем что-то решать с вами!

Прасковья поклонилась:

— Хорошо, Владыка, тотчас пойдём к Воеводе! За мужем Данилой зайдём только, Воевода его знает...

Казанский воевода Богдан Сабуров¹ жил недалече. Он тоже поздно встал с постели, хлопот с пожаром было много, и одна, и другая ночь бессонные. Поэтому и позволил себе воевода вчера перед сном себе выпить хмельной медовухи с устатку и поспать вдоволь. Потягиваясь и подкручивая пышные усы, он вышел на улицу. Солнце близились к зениту. Голова у воеводы слегка побаливала, то ли от гари и дыма, то ли от медовухи вчерашней. У ворот дома стоял стрелецкий караул из двух человек, рядом с караулом переминался с ноги на ногу старый стрелецкий десятник Данила с женщиной и малой девчонкой. Данилу Богдан Юрьевич знал лично и хорошо

¹ Сабуров Богдан Юрьевич (умер в 1598 году) — русский военный деятель, боярин и воевода в царствование Ивана Грозного и Федора Ивановича. Воевода в Чебоксарах (1575–1576), в Казани (1579–1584), Свяжске (1581–1582), Смоленске (1586–1587)

относился к нему. Данила — отменный служака, трезвый, верный, место своё знает, вперёд не лезет, среди стрельцов авторитетом пользуется, случись что — воюет храбро.

— Эй, пропустить там! — Воевода сделала караулу знак рукой. — Здоров был! Проходи, проходи, Данила. Кто это с тобой? А ты же как вроде не на службе сегодня, отпустил я тебя. Слышал, дом у тебя сгорел.

— Здравствуй и ты, Отец Воевода! Да, горе у меня большое, но, слава Богу, все живы, в пожаре никто не пострадал. Со мной жена моя Прасковья и дочь Матрёна, девяти лет от роду. Архиепископ Иеремия нас прислал до тебя! Дело у нас, рассказать тебе кое-что должны...

— Ну, пойдём в шатёр тогда, а то уж солнце припекает! — Воевода повёл гостей в летний шатёр, который стоял во дворе дома и защищал от прямых солнечных лучей...

История повторилась — чем больше рассказывала Матрёна про свои видения, тем больше воевода смотрел на неё вопросительно прищуриваясь и кивая головой. Будто думал: «Вот ведь фантазёрка, как язык только поворачивается такие басни сочинять». Когда Матрёна закончила, Данила спросил:

— Что скажешь, Отец Воевода? Веришь ли ты дочери моей?!

После паузы воевода Богдан Юрьевич промолвил:

— Ничего не скажу, Данила! Все это неожиданно... Копать? Копать можно, можно всё пожараще перелопатить! Только сам посуду, мил человек, откуда там этой иконе взяться? Сто лет назад закопали... Да тут сто лет назад даже духу христианского не было, одни басурмане¹. Какая икона? Про дочь твою ничего не скажу, дитя малое, может, головкой повредила... А если бы ты мне сам такое поведал, да на трезвую голову, я бы сказал тебе в ответ: «Брехня!!!» Да и выгнал бы со двора!

Чуть помолчав, воевода спросил:

— А что архиепископ на счёт иконы говорит?

— Дозволь, Отец Воевода! — слово взяла Прасковья. — Владыка Иеремия нам ничего не сказал, говорит, завтра утром ко мне приходите, скажу, что делать надо. Тоже выслушал внимательно и проводил, ничего не сказав.

Воевода подкрутил правый ус:

— Ну, так и делайте. Идите завтра к нему, что он скажет. Дело-то больше Божеское. А пока ступайте восвояси. Данила, переночевать-то у вас есть где?

— Найдём, Богдан Юрьевич!

— Ладно, ступайте, Данила, Бог вам помощь...

Когда Данила с семьёй вышел за ворота, воевода подозвал караульного стрельца и сказал ему:

— Беги за Владыкой, скажи, я на обед приглашаю его, квасу выпьем, поедим, что Бог послал, да потолкуем... Попроси через час его быть.

Через час архиепископ Иеремия пришёл к воеводе. Стол накрыли в летнем шатре, да за квасом и нехитрыми яствами² стали неспешно толковать. Воевода спросил первым:

— Владыка, слышал про чудо? Десятник Данила к тебе с дочкой приходил? Рассказывала она про видения-то?

— Да, Богдан Юрьевич, слышал. Не знаю, верить ли. А ты что скажешь? Ты Данилу знаешь лучше, чем я, у тебя он в войске. Веришь ты дочери его или нет?

¹ Басурмане (старорусское) — мусульмане

² Яства (старорусское) — еда

— В том-то и дело, Владыка, что не верю! Кому явилась-то Матушка наша Богородица? Дитю малому? Не монаху-схимнику¹, не старцу седому, умудрённому, всю жизнь в вере подвизающемуся, не инокине монастырской, даже не послушнику юному, навроде Варфоломея, будущего Сергия Радонежского, которому святители и сама Богородица наяву являлись, а девчонке малой, стрельцовой дочери! За что же это ей честь такая? Чем же она так возвеличилась? Сроду не поверю...

Иеремия возразил:

— Так, по рассказу, у неё свидетельница есть, подружка её малая, татарочка!

Богдан Юрьевич рассмеялся:

— Ещё пусть младенца в свидетели возьмёт... Дети — они и есть дети! Малые, навдумывают себе! Что стрельцова дочка, что татарочка, обе девчонки неразумные! Им бы в куклы играть, а они, видишь, с Богородицей встречаются! На Москве такое рассказать — засмеют люди. А коли до царя Ивана Васильевича дойдёт?! Конфуз может получиться!!!

Иеремия задумчиво ответил:

— Не скажи, Богдан Юрьевич! В Святом Евангелии сказано Господом нашим Иисусом Христом: «Будьте как дети!»² Может, поэтому и явилась Матушка наша Богородица детям неразумным, что души у них ангельские, не испорчены ни завистью, ни корыстью, ни каким другим лихоимством, и никакого греха на девчонках-то нет! Как говорится, ни словом, ни делом, ни помышлением. Души чистые, невинные! А нам-то, старым, что являться, видно, недостойны мы, грехов много накопили. А что делатю посоветуешь, Воевода? Тайно или явно людей с лопатами послать? Явно пошлём и ничего не найдём — посадские и татары нас засмеют, скажут, воевода с владыкой клад ищут на сгоревших развалинах! Сокровища Дивана Казанского³, которые при взятии Казани татары схоронили! Не хотелось бы, чтобы смеялись люди над нами, блаженными прославём... Да и тайно послать — всё равно от пересудов никуда не денешься...

Воевода сердито отмахнулся:

— Владыка, так дело здесь Божеское, а не мирское! Вот ты и решай... Что скажешь — подмогну, а не скажешь — так и будь по-твоему... Ты же сам на завтра встречу Даниле с дочкой назначил!

— Хорошо, Богдан Юрьевич! И вправду — утро вечера мудренее! Спасибо за обед вкусный, воевода, пойду потихоньку...

На следующий день Данила с Прасковьей и дети, Никола с Матрёной, опять пришли к архиепископу. Вся семья в чужих людях на новом месте ночь спала плохо, да и волновались за то, что власти перебаламутили. Вдруг всё напрасно, пустые хлопоты? С семьёй старого Данилы были соседи, такие же погорельцы-горемыки, маленькая Саният с родителями с ними же. Ахмет с Шамилей и Данила с Прасковьей доброжелательно поздоровались, дружба юных дочерей передавалась и их родителям. Всего на двор архиерея пришло человек двадцать пять — тридцать. Владыка вышел к ним и внимательно смотрел то на Данилу, то на Прасковью, то на маленьких девочек. Ермолай, как тень, молча стоял рядом.

¹ Схима — полное отречение монаха от всего мира, даже от монастырского уклада. Монах, принявший схиму, снова получает другое имя, потому что отказывается от любой прежней жизни, живёт уединённо в келье или в скиту. Схимники не участвуют в работах, общих для монастыря, их день состоит из непрестанной молитвы. Нередко схимники брали на себя обеты молчания или затвора. Подражая древним монахам-пустынникам, схимники берут на себя великий духовный подвиг

² Евангелие от Матфея, глава 18, стих 3

³ Диван Казанский — Правительство во времена существования Казанского ханства.

— Что делать-то, Владыка? Копать надо на пепелище! Вдруг и впрямь икона там чудотворная? — сказал Данила и вопросительно смотрел на архиерея. Люди тихо, вполголоса зашумели.

Архиепископ махнул рукой:

— А, ладно, народ честной, будь по-вашему! Ермолай, возьми на подворье двух-трёх людей, ломы, лопаты, крючья, чтобы пепелище расчистить, пойдёшь с ними, посмотри, что и как... У вас-то лопаты есть? — Спросил архиерей Данилу...

— Найдём! Тогда благослови, Владыка! — Все пришедшие на двор архиепископа согнулись в поклоне.

— Бог благословит! Божьей вам помощи! Ермолай, извещай меня, что и как! — Епископ Иеремия всех пришедших осенил крестным знамением.

Делегация выдвинулась на пепелище Данилова дома... Дорога была недалёкой, от Кремля с полверсты, спуститься с холма чуть ниже... Данила, Ермолай, сын Николай, пришедшие соседские мужики взяли ломы и лопаты, пошли расчищать горелые брёвна и копать посыпанную пеплом землю. Три часа продолжались поиски, всё напрасно. Растащили бревна, перекопали пепелище, искали и под новым, строящимся домом, вернее, под его остатками, и на том месте, где стоял старый дом, и под сараем, всё бесполезно! Данила злился и с упрёком поглядывал то на дочь, то на Прасковью. В его глазах читалось: «Втравили меня в поиски! Невозможное дочке привидилось, вот и копаем! Соседи засмеют! Скажут — чокнулся старый Данила! Да и дочка блаженной прослывет, замуж её не выдам!»

Маленькая Матрёна понимала, кожей чувствовала досаду отца. Поймав его очередной косою взгляд, запросила:

— Папка, дай лопату мне, я покопаю! Дай лопату, папка!

Данила кивнул:

— На, дочка, мы с мужиками передохнём пока...

Маленькая Матрёна, выхватив лопату из рук отца, пошла копать туда, где уже копали, где у их старого дома, тесного и низкого, был красный угол. Она стала углублять уже раскопанную яму, как будто кто-то подсказывал ей: «Копай здесь, Матрёна! Копай здесь!»

Удар лопаты, ещё удар! Теперь надо собрать и выгрести землю. Маленькая девчушка работала лопатой не хуже заправского строителя, копающего котлован под фундамент, Прасковья и Саняет помогали выгребать грунт. Вдруг Матрёна увидела в земле кусок тёмно-красной, багряной тряпицы:

— Папка, мамка, здесь есть что-то! Смотрите, смотрите!

Люди окружили Матрёну, все затаили дыхание. Данила и Ермолай прыгнули в яму, теперь уже не копали лопатами, а аккуратно вычищали грунт ладонями. Постепенно кусок красной тряпки освобождался от земли, оказалось, это полуистлевший рукав кафтана, в который было что-то завернуто. Данила с Ермолаем аккуратно подняли свёрток, развернули его и... О, Чудо! На свет появилась небольшая икона, облик Богородицы с младенцем, яркая, золотистая, как будто вчера вышедшая из иконописной мастерской! Люди удивлённо и радостно зашумели:

— Свершилось, свершилось! Чудо это, настоящее чудо!

Данила обратился к священнику:

— Давай, отче Ермолай, веди нас в Кремль, к Архиепископу... Поведаем ему о том, что сама Владычица наша Богородица землю Казанскую посетила!

После находки иконы Ермолай был как во сне... Возвышенные чувства и слёзы наполнили душу священника. «Надо же, свершилось! Чудо свершилось! Чудо Великое! Из земляных недр икону достали! А я-то, дуралей, и не верил! Не поверил девчонкам

малым! Как Господь апостолам сказал в шторм на море Галилейском: „МалOVERные! Где вера ваша?“¹ Верить надо, верить в Господа и Мать его Пречистую! А ведь честь для меня — свидетелем явления иконы быть! Вот ведь Бог что делает, милость свою являет рабам недостойным! Крестным ходом с иконой надо пройти до Владыки, до Кремля Казанского. Молебен перед иконой отслужить! Надо, чтобы все икону увидели, и служивые, и честной народ, и священство, и воевода с ближними своими, чтобы слух об иконе пошёл по всей Руси Великой».

Ермолай бережно взял найденную икону в руки, поцеловал её, поднял образ над головой, показал всем пришедшим, и, запов: «Богородица, Дево, радуйся! Благотатная Мария, Господь с тобою!»² — направился обратной дорогой в Кремль, на подворье Владыки. Вслед к нему пристраивались люди: и русские, и татары, и черемисы, прохожие мужики и бабы удивлённо останавливались, снимали шапки, православные крестились, начинали понемногу пристраиваться к Крестному ходу и поддерживать песнопения Ермолая. Понимали, внутренне осознавали люди, что присутствуют при Великом Действии Господнем, проявлении Его Божественной Воли и Милости!

МОСКВА

Старый царь Иван Васильевич просыпался в Московском Кремле рано, ещё до первых петухов. Под конец жизни царя мучила бессонница. Часто снились кошмары, казни, пожары, войска, погибшие в пучинах бесконечных войн. Тени пробегали по стенам царской спальни, лягз оружия, свист пушечных ядер, неясные стоны, крики, от которых у Ивана Васильевича среди ночи открывались глаза. Царь не боялся смерти, он даже устал от земной жизни, ожидая смерть как избавление, но будущее его всё же тревожило. Стало беспокоить то, что напишут и подумают о нём потомки, кем войдёт он в историю: кровавым тираном или мудрым правителем, грешником или праведником, человеком, залившим людской кровью свои владения или первым царём земли Русской, который оставил потомкам огромную державу. А что с державой будет после его смерти? Не пустят ли её в распыл наследники?

Царю вспоминалась молодость, военные походы на Казань, на Астрахань, его верные люди Алёшка Адашев и Андрейка Курбский, любава его, царица Анастасия Романовна. «Настасьюшка, Настасьюшка, на кого же ты меня покинула! Никого же не любил так больше! — так думал царь. — Эх, Ванька, Ванька, грешный царь земли Русской...Жил, жил, добра нажил, казну набил червонцами, а ума так и не добыл!»

Совесть — цепной пёс души человеческой! Там, где ловкий человек обманет всех — совесть напомнит ему о том, что себя обмануть нельзя! Там, где сильный человек, властитель, казнит, изничтожит всех, кого посчитает нужным — совесть придёт к нему ночью и скажет, что неправ он был, жизни и души Божьи погубил, отнял у людей то, что принадлежит не завоевателю, не властителю, не судье, а Богу! Вот и царь Иван мучился от снов плохих, от мыслей тайных, от лиц, которые всплывали в памяти, во сне приходили, в мыслях являлись, словно живые. Эх, Иван, Иван, не тех ты возвышал, не тем поместья давал, не тех казил и в тюрьмы бросал! Пепелище вокруг тебя! Покоя, мира в душе нет!

Василий Блаженный часто вспоминался. Этот мог царю всё в глаза сказать, не кривил душой юродивый! «Вася мой любимый, правдуроб!», — с тёплой улыбкой вспоминал царь...

¹ Евангелие от Луки, глава 8, стих 25

² Песнь Пресвятой Богородице, одно из важнейших молитвословий русской православной традиции

Царица вспоминалась Казанская, Сююн! Татарка ногайская, красавица! Искренняя, порывистая! Ненавидела Ивана-Царя лютой ненавистью! Таких врагов, как Царица, уважать надо, такие в спину не бьют, только спереди заходят. Ни кинжала тайного, ни яда от них ожидать не приходится, если и будут убивать, то честно, лицом к лицу, и в глаза сперва заглянут — каково тебе? Как выдали Царицу мурзы казанские, так к касимовскому хану Шигалею, союзнику своему, её отослал, а тот жить с ней захотел как с женой! А когда Сююн отказалась, пристыдила Шигалея, хан её и уморил! «А ведь ты, Иван, мог сделать так, что жила бы Царица и дальше, молодой ведь умерла она! Зачем отослал на Рязанщину Царицу Казанскую? Зачем сына малого, Утямыш-Гирея, у неё отнял? Надо было при себе, на Москве, в Кремле её оставить! Может, и добился бы потом от Сююн, если и не любви, не признания, то хотя бы уважения!»

«Ну уж нет! Не терплю дерзости, неповиновения, характер мой дурной! А, с другой стороны, надо было бы иногда и стерпеть! Многие бы живы остались!» — так говорил царю внутренний голос.

Протопоп Сильвестр вспоминался, лукавая душонка¹... Крутил -вертел как хотел молодым Иваном, нащёптывал ему на ближних! С царицей Анастасией Романовной, женой Ивана, всё пререкались они, а потом царица, Настасьюшка, голуба его, и умерла. Друг детства, строитель монастыря Соловецкого Федор Колычев, он же митрополит Московский Филипп². Правду митрополит царю говорил, с плеча рубил, а Иван Васильевич злился, послания да обличения его «филькиными грамотами» называл! «За что же ты велел Малюту Скуратову, палачу своему верному, удавить митрополита, Ваня!? За правду? Что походы твои кровавые на Новгород да на Псков благословлять отказывался? А брат твой двоюродный, князь Владимир Андреевич Старицкий? За что повелел отравить его, Ванюша? Не только самого, но и жену его! А ведь не было у тебя вернее князя Владимира человека! А упырей, сынков боярских да дворянских, душегубов и садистов приблизил, опричниками нарёк, царёвым войском, власть им дал большую, а они людей мордовали, резали да насильничали!!! Эх, Настя, Настя моя милая! Сдерживала ты зверя во мне, пока жива была, лаской, словом добрым, объятиями своими, а потом натворил, наворочал я дел, да таких, что ни один ад меня не примет!» — такие мрачные думы в предутренней дымке терзали царя Ивана.

«Но, с другой стороны, нам, царям, без строгости нельзя! Развалится ведь держава, к чёртовой матери! Строил, строил — а всё прахом пойдёт? Растащут бояре да князья имущество, всю казну по углам и уделам — полушки³ не останется! — Так думал царь. — А изменники государства — всё на ливонцев смотрят, кто что скажет, кто кому письмо напишет! А папская зараза?! Не уследишь — начнут на западный манер в церквях служить, а потом и кардинала на Святую Русь пришлют! Так что не бойся, не страшись будущего, царь Иван! Кто над тобою? Над тобою один Бог! А кто под тобою? Под тобой народ Руси Великой, православные, а вот теперь и магометане, казанцы с астраханцами да ногайцами! Правь, царь Иван, ничего не бойся! Только не забывай о простом народе заботиться, да с бояр своих спрашивать жёстче, спуска им не давать! Эх, Андрейка, Андрейка, — вспоминал царь друга своего лучшего,

¹ Сильвестр — русский православный священник, политический и литературный деятель XVI века, наставник юного Ивана Грозного. После смерти жены Ивана царицы Анастасии в 1566 году был заподозрен в причастности к её отравлению и отправлен в ссылку в Соловецкий монастырь, где и скончался в 1566 году

² Митрополит Филипп (в миру Фёдор Степанович Колычев, 1507–1569) — епископ Русской православной церкви, митрополит Московский и всея Руси с 1566 по 1568 годы. Из-за террора опричников вступил в открытый конфликт с царём в 1568 году. Находясь в ссылке в Твери, убит начальником опричного войска Малютой Скуратовым в 1569 году

³ Полушка — мелкая монета в Древней Руси

князя Андрея Курбского, весельчака и балагура, героя Казанских походов, бежавшего в Литву и затем воевавшего против русского войска. — А ведь думал я, что до скончания века мы вместе будем великие дела вершить, державу православную строить! Друг любимый юности моей, помощник, сподвижник мой... Эх, Андрейка! Предатель ты всего люда русского, Иуда! Всё Литве о русском войске выдал, все секреты ратные, воевал против своих, на гибель отправил многих! Всех подвёл, всех продал, даже жену с ребёнком, с сыном-отроком, когда с Руси бежал, с собой не забрал! Разве ж так можно?»

«А как можно, Ваня? — спрашивал царя Ивана внутренний голос. — Как ты делаешь, так можно? Как быть справедливым, совестливым царём? Как творить дела и суд свой по Закону Божьему? Возможно ли это? Да, Ванька-царь, самодержец Руси Великой, нагрешил ты в этой жизни! В рай не попадёшь, черти ждут тебя в пекле! Вслед за Малютой Скуратовым да за Басмановыми¹, отцом с сыном, пойдёшь, в ау твоё место!» — так думалось Ивану в утренней тиши.

Ближе к закату жизни царь Иван Васильевич калялся и осознал ничтожность свою, вольные и невольные ошибки и злодеяния. В своём письме к князю Курбскому в Литву он писал: «Вопреки твоим выдумкам, будто я не хочу дать ответ в своих грехах, я знаю, что Христос владеет и распоряжается всем на небе, земле и в преисподней и карает мучениями непокорных. Верю, что и мне, как рабу, предстоит суд Христов не только за свои грехи, но и за грехи моих подданных, совершенные из-за моей неосмотрительности»². Эх, Ваня, Ваня, как бы это всё в молодости знать! Вот, стоишь на вершине власти, как на горе высокой, один, все ветра обдувают тебя, все дожди поливают тебя, и укрыться негде, и спрятаться не за кого! Вокруг лизоблюды одни, поговорить не с кем! Ослабнешь — жди ножа в спину! Не тех на жизненном пути возвышал, не тех ласкал, не тех казнил да мучал, Иван Васильевич! Так что не обессудь теперь!!!

Одно лишь царя Ивана немного успокаивало — то, что любим он был народом простым. Принимали власть Ивана Васильевича как богоданную! За строгий нрав и вспыльчивость нарекли его Грозным, а за справедливость величали Белым царём. Было где защиту искать от дворян-мздоимцев да бояр-самодуров на Святой Руси. С народа царь спрашивал строго, а с дворян да бояр, с ближних своих людей — во сто крат строже! Кто не понимал его воли или беззаконничал, лютовал да мздоимствовал — умывал, когда слезами, а когда и кровью! Скор бывал на расправу царь, за что себя порой и корил, но сделать ничего не мог — характер! И Рюрик, и дед, Иван Великий, и темник Мамай, все царевы пращурсы тоже скоры на расправу были! И ещё — не склонял головы царь перед иноземцами, не заводил на Руси обычаев заморских, не равнялся на советчиков иностранных, на Папу Римского, на королей да князей европейских! А жил и правил Иван Васильевич своим умом, по заветам пращуров своих великих, отцов и дедов, князей московских да татарских!³ Даже в строительстве городов Руси Великой, в отличие от деда своего, Ивана III Великого, приглашавшего на Москву строить Архангельский и Успенский соборы в Кремле итальянцев Аристотеля Фьорованти и Алевиза Нового, на своих, на

¹ Григорий Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта, Алексей Данилович (отец) и Федор Алексеевич (сын) Басмановы — видные начальники опричного войска Ивана Грозного

² Первое письмо царя Ивана Васильевича Грозного к князю Андрею Курбскому

³ Основатель рода Глинских (мать Ивана Васильевича Грозного — Елена Глинская) Мансур Кият был старшим сыном ордынского беклярбека и темника Мамаю и погиб в 1391 году в сражении с войсками Тамерлана недалеко от современной Самары. В свою очередь, сам Мамай был женат на дочери хана Золотой Орды Бердибека, потомственного Чингизида. Поэтому справедливо утверждение, что Иван Грозный был по матери Чингизидом, потомком Великого Чингисхана

русских и татарских зодчих надеялся Иван Васильевич IV, доверив им возводить и Собор Василия Блаженного, и Казанский Кремль, и церкви Свяяжской крепости, и Борисоглебский собор в Старице, и другие крепости и храмы. «Своим умом надо жить! Без папских зодчих обойдёмся!», — так думал царь Руси Великой. За то и любил царя Ивана Васильевича, что отеческие интересы отстаивал, о своём народе, о подданных короны Русской заботился, за это уважали и добром вспоминали его люди простые, жители Руси...

Утро, светало...Вставать пора, скоро постельничий с кравчим¹ завтрак принесут. В опочивальню осторожно постучали, вошли ближние бояре постельничий Иван Новосельцев и кравчий Борис Годунов, но без завтрака...Годунов, молодой и шустрый боярин, быстро сделавший в Москве карьеру, вполголоса обратился у царю:

— Разреши, Великий Государь! Гонец прискакал! Дело неотложное из Казани!

Ааа, Казань, Казань! Первые победы, первые ратные подвиги! Вот где молодость моя, лучшие годы, вот где удаль ратная, сабля булатная, забава молодецкая, ветер в лицо, где все ещё живы и здоровы, чисты душой, смотрят в одну сторону, и измены никакой нет!

Царь, глядя исподлобья, хмуρο ответил:

— Давай, Бориска, говори, что там у тебя!

Годунов возразил:

— Нет, Государь, ты всё сам должен слышать! Пусть гонец расскажет!

— Тогда погоди, я хоть оденусь!

Через четверть часа царь вышел в тронный зал... Бояре тихо стали поодаль, вдоль стены.

— Позвать гонца! Ну, говори, что там...

Гонец, моложавый статный парень, бухнулся в ноги царю...Царь махнул рукой:

— Встань! Как звать тебя, хлопец, и кто ты таков?

Гонец поднял голову:

— Зовут Петькой меня, сын Спиридонов! Великий Государь, я ближний Воеводы Казанского, Богдана Юрьевича Сабурова, прислал он меня к тебе с донесением! — Гонец опять распластался перед царём.

Царь ворчливо пробурчал:

— Ну, ты давай без раболепия! Встань, говори, с чем приехал, что стряслось...

Гонец начал неспешный рассказ:

— Государь, случился в Казани великий пожар. Два дня бушевал. Половина Попада сгорела...

— Так... Хороши дела... А Кремль, Кремль-то цел?

— Кремль цел, Государь! Чуть Кремль задело! Стороной пламя прошло...

— Дальше давай, посланник казанский! Что это — измена? Поджог? Виновных нашли?

Гонец покачал головой:

— Нет, Государь! Дознание было крепкое, воевода Богдан Юрьевич тут же учинил, допросили всех, кого можно, но ни свидетелей, ни следов поджога не обнаружили...Ни татары, ни черемисы, ни наши русские, божатся, крест целуют, что никто не поджигал...

— А ущерб, ущерб-то большой? Может, денег из казны дать? Что воевода говорит?

¹ Постельничий — придворная должность XVI века, постельничий ведал чистотой, убранством и сохранностью царской постели, кравчий — придворная должность XVI века, кравчий ведал кухней царя, приготовлением еды и напитков

— Воевода просил передать — сами справимся! С посадских русаков, с мордвы, с татар и черемисов¹ мзду соберём, за пару лет всё заново отстроим... Здесь другое дело, Государь! Твоё дело, Государево!

Царь с досадой, глядя на Годунова, произнёс:

— Нет, ну ты смотри, Борис, вот ведь олух! Говори уже, не тяни, что там!

— В Казанском Кремле служит десятник Данила Онучин, молодым совсем с тобой на Казань ходил, да так и остался, а сейчас в летах уже, с жёнкой и двумя детьми там живёт, в Посаде, рядом с Кремлём...

— Онучин, Онучин! Сколько их на Руси, таких Онучиных... Дальше давай!

— Значит, у Онучина Прасковья жена, старший парень, по плотницкому делу мастер и дочурка малая, девяти лет, Матрёной зовут! Дом они строили, дом этот вчистую в пожаре сгорел... И Матрёне этой явилась сама Царица Небесная, Пресвятая Богородица! Говорит, на месте сгоревшего дома пепелище раскопайте, там икону найдёте чудотворную, Казанской назовёте, много радости и чудес придёт через неё на Землю Русскую!

Иван Васильевич напряг ладони и вцепился руками в подлокотники трона. Царь начал злиться:

— Да ты что, гонец, сказки прискакал мне рассказывать!? Для этого поднял меня спозаранку!? Может, тебе язык урезать за такие истории?

— Не вели казнить, Государь! — Пётр оробел и опять бросился на колени перед царём.

— Да поднимись ты, олух Царя Небесного², пугаю я, никто казнить тебя не будет! Дальше толкуй!

— Когда Матрёна с отцом и матерью пришли на двор к Архиепископу Иеремии, он тоже не поверил... Пошли к воеводе... Тот их чуть ли не выгнал взащей. Но они настаивали, опять к Архиепископу пошагали... Тогда Его Святейшество дал священника Ермолая, с ним людей с лопатами, они пошли, разрыли пепелище и на глубине в два аршина³ нашли икону, замотанную в тряпицу... Тряпица истлевшая, от кафтана рукав, а сама икона сохранилась хорошо... Не обычная она, Господь наш Младенец Иисус стоит на ней рядом с Пречистой Матерью своей. Матрёна говорит, что ей Богородица сказала — при Ханстве Казанском эту икону спрятали до срока, чтобы басурмане не прознали, под запретом у них иконы. Жители Казани, тайно исповедовавшие Православие, её в землю зарыли. Я сам там был, готов на дознании присягнуть и крест целовать, что правду говорю! С обрётённой иконой Крестным ходом прошли до Владыки, ему икону и оставили!

— Ишь ты, смотри-ка, и впрямь чудо! — Старый царь задумался. Потом произнёс, обращаясь к Годунову:

— Что скажешь на эту историю, Борис? Ты у меня сейчас главный советник!

Осторожный Годунов ответил тихим, вкрадчивым голосом:

— Не знаю, Великий Государь! Здесь дело Божье... С Митрополитом Московским надо посоветоваться!!! Может, и впрямь чудо совершилось на Земле Казанской... Тогда надо посмотреть, что нам в Москве от этого чуда дальше будет!

Царь махнул рукой в сторону гонца:

— Ладно, гонец Пётр, Спиридонов сын, отдыхай пока... В баньку давай с дороги да поешь хорошенько. На сухом пайке-то, да в пути дальнем живот к спине прилипнет! А мы пока помозгуем здесь, что и как! Да смотри не пей, шельмец, может, завтра

¹ Черемисы (старорусское) — предки современных марийцев

² Олух Царя Небесного (старорусское) — простофиля, наивный человек

³ Аршин — старорусская мера длины, 0,71 метра

в дорогу обратную поедешь! Чтобы тверёзый был, как дяк в постный день! Утром у меня будь, решение наше скажем тебе! Борис, Иван, распорядитесь!

Гонец, кравчий и постельничий согнулись в поклоне и вместе с гонцом вышли с царских палат.

* * *

Вечерело. Сидя в палатах, царь вспоминал. Казань, Казань! Картины ратной молодости пронеслись перед глазами. Первые неудачные походы, осада Казани, штурм, взятие стен крепостных, многие жертвы царёва войска. Когда Иван Васильевич моллился под стенами Казанскими в шатре о даровании победы, явственно слышался ему благовест, праздничный перезвон церковных колоколов, как на Москве в Кремле, в праздники звонили... Звон прямо в ушах стоял, переливы больших и малых колоколов и колокольчиков, а ведь церквей-то на поле под Казанью и не было! Чудо ведь это было, истинное чудо! И потом Господь победу послал над защитниками крепости Казанской. А ведь, если подумать, случались чудеса в жизни царя, сама жизнь его долгая являлась чудом. Ведь отравили матушку его, Елену Глинскую, и жену отравили первую, царицу Анастасию, а царя эта участь миновала, хотя врагов царёвых было хоть отбавляй! И как в малолетстве в постели не придушили, те же Шуйские или Бельские, одному Богу известно?! А исцеление от болезни огненной после Казани? Как пришла болезнь, так и ушла, скоро и неожиданно. А когда с царства ушёл, из Москвы уехал, в Александровской слободе монахом затворился, народ его опять позвал на царство, в слободу к нему делегация приехала во главе с архиепископом новгородским Пименом¹ — это ли не чудо? А границы державы расширил, потомкам оставляет земли огромные под двухглавым орлом пращуров своих, византийских базилиевсов² — это ли не чудо, не Промысел Божий? А жизнь и чудеса Блаженного Василия, коим царь сам свидетелем являлся — это ли не знамение, Богом данное?

«За что, Господи, за что не покараешь меня? Ведь достоин казни я твоей, а ты меня милуешь? За что благословение своё мне посылаешь, и народу моему, который я гнал, казнил, жёг, достаток даёшь, числом да землями новыми позволяешь прирастать? Ведь по делам моим и награда мне должна быть, однако сам-то я жив, и Держава моя растёт! Поволжье к Руси присоединили с Ордой Ногайской, Поле Дикое, черкесские земли на юге, за Урал, на Сибирское ханство нацеливаемся! Крымцев с османами при Молодях³ крепко побили, ливонцам и шведам противостоим, Веру поднимаем Православную! Господи, зачем я нужен тебе, грешник, Ванька неистовый? За что, Господи, терпишь ты меня, жалкого раба своего? Ведь недостоин я любви твоей! Эх, совесть человеческая, кусает хуже волка! Врёшь другим, а себе-то и не соврёшь!»

Сокровенные, тайные думы царя прервал пришедший митрополит Московский Антоний:⁴

— Разреши, Государь! Почто посылал за мной?

¹ Архиепископ Пимен (или Пимен Чёрный, ? — 25 сентября 1571 года) — архиепископ Новгородский, сторонник Ивана Грозного. Канонизирован Русской православной церковью в лике Святителя

² Бабушка Ивана Грозного по отцу Софья Палеолог была из рода последних византийских императоров

³ Битва при Молодях — крупное сражение 2 августа 1572 года между русскими войсками и армией крымского хана Девлет-Гирея включавшей, помимо крымцев, ногайские и османские отряды. Несмотря на численное превосходство, крымско-турецкая армия понесла значительные потери и была обращена в бегство

⁴ Митрополит Московский и всея Руси Антоний (1501–1581) — вступил в сан митрополита в мае 1572 года. Во всём поддерживал царя. О его деятельности сохранилось мало достоверных сведений. Известно, что время, в которое ему довелось быть митрополитом, было очень тревожным. Перед смертью в 1581 году ушёл на покой в Московский Новоспасский монастырь

— Проходи, Владыка, присаживайся! Совет твой нужен! Как ни крути, ты к Богу ближе, чем царь! Случилось тут чудное дело в Казани, гонец сегодня утром при-скакал! Говорит, пожар был великий, полгорода сгорело, а потом на пепелище икону нашли, Богоматерь с младенцем... Да не то чудное, что икону нашли, хотя и это тоже, а то, что показала, где икона спрятана, девчужка малая, Матрёна, стрельцова дочка, а ей, якобы, сама Превладычица наша явилась, Богородица, разговаривала с ней! Откопай, говорит, икону, чудотворная она, много чудес и знамений от неё будет на земле Русской! Вот и откопали, в указанном месте нашли! Тряпица старая, рукав от кафтана, а икона завёрнутая — как новая! В Казани, видя дело такое, народ к вере потянулся, Крестный ход был, в храм икону поместили, молебны перед найденной иконой служат! Что скажешь, Владыка?

Митрополит задумался... Потом молвил с долей удивления:

— Не знаю, что и сказать-то, Государь Великий! Подумать тут надо, что дальше делать! Я всю жизнь в церкви, с малолетства в послушниках был, и на Белоозере, и на Соловках, и на Валааме, а сам такого не видывал. И, врать не буду, не являлись ко мне святые — ни во сне, ни наяву, ни преподобные, ни святители, ни мученики, а тут, видишь, Богородица сама пришла к девчужке... Чудное дело, Государь! А не враки это?

— То-то и дело, что не похоже на враки, Владыка. Гонец клянётся-божится, говорит, крест целовать буду и Святое Евангелие, сам всё видел! Сам там был и при раскопках присутствовал, видел, и как копали, и как достали икону из земли, и в первый Крестный ход с иконой пошёл! До Владыки и Казанского Благовещенского Собора, что Барма с Постником¹ строили! И про девчужку юную и её рассказы — все подтверждает!

Митрополит помолчал и неторопливо продолжил:

— Может, Государь, Господь наш Иисус с Пресвятой Матерью своей милость являют к нам, грешным! Тогда это истинное Знамение! Чудо — оно ведь в тревожное время проявляется, в испытаниях да неурядицах, в нужде великой, а когда народ сыт и одет — чудес-то и не бывает! Чудеса являются в страшный мор, в войну, после бедствия какого — наводнения, землетрясения, засухи. Пожар в Казани был — и после икона явилась! Тогда, действительно, Чудо придёт с иконой этой на Землю Русскую! Ибо сказано в Евангелии о рождении Христа — «Звезда возшла с Востока! Пришли в Иерусалим волхвы и говорят: где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на Востоке и пришли поклониться Ему»² Так взошедшая звезда Вифлеемская возвестила о рождении Господа нашего! А икона, в Казани найденная — может, это твоя звезда на Востоке, Государь Великий, твоё Знамение! Может, на Восток Державе нашей надо двигаться, за Урал-Камень³, к православию приводить народы тамошние, сибирских татар да язычников?! Так я толкую явление иконы!

Царь ответил:

— Хорошо, подумаю над твоими словами! Может, и так оно, у самого мысли схожие! А что сейчас делать посоветуешь, Владыка? Дело ведь не шуточное, Божье дело! Может, монастырь там поставить в честь обретения святыни? Иконописцев с гонцом послать? Распорядиться, чтобы список сделали и на Москву привезли? С Крестным ходом икону встретить?

— Да, Государь, и список с иконы, и монастырь не помешали бы... Всё надо сделать, чтобы веру православную в Казани укрепить! И чтобы по Москве, и по всей Руси

¹ Постник Яковлев и Иван Ширяев по прозвищу Барма — псковские зодчие, строители Храма Василия Блаженного и Казанского Кремля

² Евангелие от Матфея, Глава 2, Стих 1–2

³ Урал-Камень — Уральские горы

весть об иконе той пошла! Здесь как ты скажешь, как ты управишь! На всё — Божья и твоя царская воля! Православный царь — опора Державы Русской!

После небольшой паузы митрополит тихо, вполголоса, добавил:

— Может, иконой этой Господь знак посылает, что грехи нам простит многие!

Царь исподлобья, с недобрый прищуром посмотрел на Владыку:

— Ты хочешь сказать, Владыка — русский царь грешен?

Здесь уже Владыка Антоний выдержал, не отвёл своих глаз от грозного царского взора:

— Все грешны, Государь, и мы с тобой тоже! Правда жизни такая! А кто, Государь, тебе правду ещё скажет, как не я?

Ничего не ответил царь на последнюю фразу митрополита. Долго ещё разговаривали они, спорили, соглашались, решали дела государственные, московские и казанские, решали на много столетий вперёд!

* * *

На следующий день гонец воеводы Казанского Пётр Спиридонов чуть свет заявился в Московский Кремль. Несмотря на то, что он пришёл заранее, предупреждённые стрельцы его уже ждали и препроводили к царю. В зале на троне сидел царь, рядом на лавках вдоль стены сидели митрополит Антоний, начальник стрелецкого войска воевода Иван Мстиславский, кравчий Борис Годунов и постельничий Иван Новосельцев. Чуть поодаль, напротив, но дальше от царя, сидели два думных дьяка и молодой парень в монашеской одежде, которых гонец видел в первый раз. Напротив царя на каменном полу стояли два открытых вместительных сундука с серебряными монетами. Гонец поклонился и стал молча перед царём, опустив глаза в пол. Иван сверлил его колючим взглядом из-под седых кустистых бровей. Потом молвил:

— Слушай волю мою, гонец Пётр, Спиридонов сын! Слова мои передашь Воеводе Казанскому Сабурову и Архиепископу Иеремии, пусть всё в точности исполнят! Вот тебе два сундука с деньгами по тысяче рублей серебром, один сундук — на восстановление Казани от пожара, второй — на монастырь в честь иконы обретенной Матушки нашей Богородицы. Каждого, кто икону откапывал, кто там был, русак или татарин, мужик, баба или дитё малое, без разницы, найти и дать по рублю серебряному от царя¹. Десятника стрелецкого Данилу по службе повысить, в сотники его произвести, не до смерти же ему в десятниках ходить. Родителям Матрёны денег дать — пущай дом построят, который хотят, деревянный или каменный, да чтобы большой дом, светлый, не хуже, чем у воеводы и его ближних! Подмогнут пусть власти им в этом, воевода пущай мастеров в Казани найдёт! И не только от меня, а и из казны Казанской выделить на восстановление от пожара деньги, сколь надо. Если не хватит — потом я ещё дошло! Так и скажи — царь велел...

После небольшой паузы царь продолжил:

— Далее... Монастырь следует женский заложить на месте обретения иконы, пусть невесты Христовы славят в нем Владычицу нашу, Пресвятую Богородицу. Передай архиепископу — пока деревянную церковь в честь иконы пусть поставят, и чтоб быстро, чтоб народ видел! А так — Борис, Иван — царь обратился к Годунову и Новосельцеву, — сыщите зодчих, что у Постника Яковлева были в учениках, из-под земли достаньте, жалование им дайте хорошее и в Казань отправьте, скажите, царь повелел.

¹ Один рубль во времена Ивана Грозного был большими деньгами. На один рубль можно было купить взрослую корову или быка. Жалование простых стрельцов составляло два рубля в год. Постройка большой избы из ста брёвен обходилась в семь рублей

Пусть каменные стены для монастыря возводят! Архиепископу Иеремии о том отдельно напишите. Иконописца следует послать. Владыка Антоний, — царь обратился к митрополиту, — пошли умельца, которого считаешь нужным, список сделать для меня. В Кремль Московский, в Успенский собор список иконы той поместим. Иконописец твой здесь?

— Здесь, Государь! — ответил Владыка Антоний, с этими словами молодой парень в рясе, сидевший в отдалении напротив, встал и поклонился царю.

— Не молод ли, Владыка, твой человек? С порученным делом справится? — спросил царь.

— Не смотри на молодость, Государь Иван Васильевич! Это инок Никита, Дионисия, знаменитого мастера времён деда твоего, Ивана Великого, правнук¹. Тот Дионисий, что Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри расписывал². Никита не только учится мастерству иконописи, но и умеет многое, и секреты прадеда и деда своих знает... Нет у меня лучшего иконописца для исполнения твоей воли!

— Ладно, добро! Не подведи только, инок! Пропитание получишь в походе и как жить в Казани будешь, а награду щедрую дам тебе, как список иконы на Москву привезёшь... Только не подведи!

— Будет исполнено, Великий Государь! — инок ещё раз поклонился царю.

— Теперь к тебе, Иван Фёдорович! — царь обратился к воеводе Мстиславскому. — Дай стрельцов конных десятка два в сопровождение, покрепче молодых да начальника им дай помоложе, пошустрее, чтоб не тугодум был. Телеги дай две — для денег да для провизии. Пусть смотрят, чтобы по дороге лихие люди не налетели, не ограбили. Начальнику скажи — нарвутся на разбойников, не сразу пусть стрельцы на убийство идут, а сначала объяснят, что дело-де Государево, что деньги на восстановление города везут, расскажут про пожар в Казани, про явление иконы чудесное! Дорога дальняя, всякое может приключиться, но, авось не тронут! Не хотелось бы великое дело творить, и при этом с кровопролития начинать!

— Будет исполнено, Государь! Подберём и молодых покрепче, и начальника над ними, чтобы с головой был... А неприятность случится — так среди душегубцев тоже люди имеются, не тронут царские деньги, на Святое дело направленные!

— Ну, добро, други мои! — Царь Иван Васильевич встал с трона. — Готовьте в том, что я сказал, указы, тотчас же подпишу всё... На сборы день, завтра утром в путь... Поспешать вам надо! — Подчинённые согнулись в почтительном поклоне. А у царя стояло в ушах: «Звезда взошла с Востока! Звезда взошла с Востока!»

* * *

Дорога от Москвы до Казани была долгой, почти восемьсот вёрст. Стрельцы ехали неспешно, оглядываясь, присматриваясь к дороге, опасаясь за ценный груз. Отрядом воевода Мстиславский поставил командовать сотника Ивана Гордеева — молодого, но башковитого, сноровистого во всех отношениях стрелецкого начальника. Иван Гордеев был москвичом, белокурым, худошавым, жилистым парнем, стрелецким сыном, потомственным служакой в царёвом войске. Выдвинуться в сотники в молодые годы ему помогла исполнительность и ответственность за порученное дело. Четыреста вёрст до Нижнего Новгорода отряд проехал без происшествий. На ночлег

¹ Дионисий (около 1440–1508, из рода Чириковых) — ведущий московский иконописец и мастер фресок конца XV — начала XVI веков. Считается продолжателем традиций Андрея Рублева

² Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри — монастыри Русского Севера XIV столетия, находятся в Вологодской области

останавливались также с опаской, снимали сундуки с деньгами, ставили телеги по внешнему периметру, сами внутри разбивали привал, жгли костёр и готовили нехитрую походную еду. Выставляли караульных, которые несли службу по три часа, затем их сменяли... Всё по законам военного искусства. По дороге было ещё мало деревень, всё-таки двадцать лет назад здесь селиться было небезопасно, татары регулярно осуществляли набеги на эти территории. Те же деревни, в которых жили люди, были не очень большими, под Москвой или под Казанью сёла были несравненно больше. В Нижнем Новгороде основательно пополнили запасы воды и продовольствия, дали отдохнуть и людям, и лошадям, ведь остался самый опасный участок пути до Казани. От Нижнего путь шёл через леса, лес был густым, хвойные деревья сменялись лиственными, и наоборот. Дурная слава ходила об этих местах, как о блудных да о разбойных. Люди уходили в лес по грибы да по ягоды, и не возвращались, и до крестьян доходили слухи — такой-то караван пограбили, такого-то купца прибили лихие людишки, там снег сошёл, а под ним тело лежит бездыханное, а то и два! Поэтому в нижегородской чаще стрельцы ехали напряжённо и настороженно, прислушиваясь к каждому подозрительному шороху.

На опушке леса к отряду вышли два молодых крестьянина, два широкоплечих мужика, лет по двадцать пять, и пристально уставились на стрельцов. Они опирались на деревянные палки, которые при ближайшем рассмотрении оказались внушительными суковатыми дубинами.

— Что надо, люди добрые? — спросил их Иван Гордеев.

— Да вот, посмотрим, куда путь держите, что везёте, служивые? — ответил тот, что повыше и поздровее.

— На Казань путь держим, везём от Государя Всея Руси Ивана Васильевича ценный груз. А вам зачем это знать надобно?

— Да, вот, думаем, пропускать вас или нет? А то, может, тамгу¹ с вас взять, налог подорожный? — дерзко ответил второй, поменьше ростом, рыжий и улыбчивый.

— Слышь, мужик, ты говори — да не заговаривайся! — ближний к Ивану Гордееву стрелец вытащил из ножен саблю.

— Погоди, спрячь саблю! Воевода Мстиславский сказал — миром надо! Вас как звать-величать, люди добрые? — спросил Иван.

— Фёдор Кудря, — ответил здоровый, — а это ближний мой, Никанор! А тебя как величать, начальник стрелецкий?

— Сотник Иван, сын Гордеев! Тогда слушайте меня, Фёдор и Никанор! Если вы не хотите лишних хлопот вашим семьям, то идите с нашего пути куда подальше. А то сейчас головы с вас снимем и бросим вас в лесу, зверям на съедение...

Кудря ответил:

— Иван, хоть ты и сотник, но сотни-то стрелецкой за тобой нет! А нас пятьдесят человек с дубьём сидит в чаще, если навалимся на вас скопом², то ни пищали, ни сабли вам не помогут! Так ведь?

«Да, дела не очень, если навалятся — беда...Надо осадить, вступить в переговоры с лихоимцами!» — подумал Иван и миролюбиво продолжил:

— Тогда слушайте ещё, лихие людишки... Мы деньги везём из Москвы в Казань от царя Ивана Васильевича! Был в Казани пожар великий, посад погорел сильно, многие люди без крова, без крыши над головой остались. Царь Иван Васильевич деньги посылает на восстановление города, люду раздать казанскому на строительство. И ещё — чудо случилось в Казани, икону Богоматери нашли чудотворную на

¹ Тамга — подорожный налог (налог на проезд) в Золотой Орде и Казанском ханстве

² Скопом (старорусское) — все вместе, одновременно

пепелище, Казанской нарекли, вторая часть денег — на женский монастырь в честь найденной иконы, на обустройство жизни невест Христовых. Так вот, дорогие разбойнички, неужели вы решитесь нас пограбить? Не бойтесь, что не мы, а Господь Бог с вас спросит за лихоимство ваше? Люди в Казани простые погорели, нуждаются сейчас! Дело-то мы делаем Божье, благоприятное!!!

Мужики призадумались, стали переглядываться, шептаться. Потом Кудря ответил:
— Про пожар страшный мы слышали, да и про икону тоже... Выходит, грех вас грабить, православные, пропустим мы вас! Но тогда просим вас нижайше — если есть деньги лишние, подайте на пропитание нам, голодно в лесу сидеть, а так хоть в деревню ближайшую сходим, хлеба да молока купим...

Иван молвил:

— В пути мы, лишних денег нет, но рублей пять найдём... А ну-ка, служивые, скинемся лесным жителям на пропитание, найдём пять рублей! Помяните в церкви нас тогда, разбойнички!

Здесь оба насупились:

— Нельзя в церковь нам, Иван, в розыске мы...

— А что так?

Фёдор начал рассказывать свою историю:

— Мы здешние, и уродились здесь, в деревне Марьино, вёрст двадцать отсюда... Большая, вотчинная это деревня, вотчина бояр Бутурлиных¹. Владеет ей Ефим Варфоломеевич Бутурлин, дворянин и воевода². Но так как он на Москве, при царе да при государственных делах, здесь его волю родственники дальние творят, Фёдька с Никиткой, и тоже в отъезде постоянно, то на Москве, то в Казани, всё поручения царские выполняют!

Иван перебил Федора:

— Знаю я Ефима Варфоломеевича, видел в Стрелецком приказе, он сейчас в Орле воеводой! Говори дальше, что у него в вотчине приключилось...

— Вот, вот, хорошо, что знаешь. А приказчика оставили Бутурлины вотчинного — зверь лютый, хуже волка, Игнатом кличут. У того приказчика два подручных, здоровые, навроде меня, только злые, под стать Игнату. И вот измываются они как могут над нами, кнутом порют, в холодную сажают, ноздри рвут, девок сильничают. Сколько невест чужих перепортили. Вернее сказать, ране измывались, не будет больше!

Федор замолчал. Иван спросил:

— А что ж замолк-то? Рассказывай дальше!

— Да то-то и замолк! Случилась тут одна история... Девка была у нас на деревне, Анфиска, ладная девка, красивая, чернобровая такая! Так вот, Игнат начал жить с ней, как с женой, хотя у самого изба, семья, жена законная, детишки! Анфиска понесла³... Весной это ещё было, в апреле-месяце! А в июне девка та пропала! Искали, искали её — да так и не нашли! А перед этим с Игнатом и приближёнными его Анфиску видели! Слух пошёл — прибили они её и закопали тайно, чтобы Игнату проблем меньше было! Ну, мы с мужиками, как это услышали, колышки наточили, пошли и проучили душегубцев, прибили всех! А Игната на кол посадили живого, пусть помучается перед смертью, сколько крови нашей попил, гад! Только избы их палить не стали, родню

¹ Бутурлины — древний московский дворянский род, внесённый в Бархатную родословную книгу, составленную в XVII веке

² Ефим Варфоломеевич Бутурлин (? — 1607) — московский дворянин и воевода, один из двух сыновей Варфоломея Михайловича Бутурлина. В 1578 году Е.В. Бутурлин находился на воеводстве в Орле, откуда в сентябре 1579 года был переведён в Михайлов (Рязанская область)

³ Понесла (старорусское) — забеременела

их пожалели! А сами потом в лес, куда ж нам теперь-то! И прибились к нам такие же людишки, как и мы, кто от боярина, кто от помещика убёг, от оброка чрезмерного, от кнутов да увечий, не дождавшись Юрьева дня!¹ Нижегородский воевода Михаил Федорович² уже два раза стрельцов с Нижнего посылал нас ловить, да вот не поймали ещё! Мы-то в этом лесу все тропинки знаем! Вот и мыкаемся здесь! Пока лето, в лесу перекантуемся, а в осень уходить надо, а то замёрзнем! Теперь думаем, как прожить в лесу, а то, может, на Хопёр, на Дон, в Поле Дикое податься, в воровские казаки!

Выслушав рассказ, сотник Иван ответил:

— Да, история у вас, Фёдор! Не позавидуешь! И как помочь вам, не знаю... На местах, в городах да деревнях отдалённых лихоимство творят, нелюди! Как говорится, ведает царь, да не ведает псарь...

В глазах Фёдора мелькнула надежда:

— А, может, вот что, служивый, Иван, Гордеев сын! Ты расскажи на Москве про нашу долю воеводе своему, пусть он царю её поведает! У нас на царя Ивана Васильевича одна надежда! Пусть простит нас, служить ему будем верой и правдой! Пусть воеводе нижегородскому об этом отпишет! Царь наш справедлив, не зря его в народе Белым царём кличут! Только от нас далеко он больно, не достучаться! Скажи, служивый, ты там свой, тебе это ничего не стоит, а нам — может, и подмога в делах наших! Не в разбойники же идти!

— Хорошо, Фёдор и Никанор! Держите ваши пять рублей, а мы поехали далее, царёво поручение выполнять! Скажу, как на Москву приеду, скажу всё, как от вас слышал! А пока прощайтесь, да на дорогах зазря не лютойте, душегубцами будете — царь не простит! Ждите весточки от меня через месяц! Здесь вас искать буду, в этих местах! Бывайте! Фёдор, а за что тебя Кудрей прозвали? — напоследок спросил Иван.

— Наверное, за шевелюру! — Фёдор улыбнулся во весь белозубый рот и запустил руку в свои густые кудрявые волосы.

— Эх, девки и любят тебя, наверное?

— Любили, пока в бега не подался! Крепко любили! Пострадал я за похождения свои, и дубьём лупили меня, и чуть не женился один раз! Теперь не знаю, когда снова полюбят! А то, как бы голову с меня не сняли, с волосами вместе! Ладно, бывайте и вы, служивые! Храни вас Господь! Иван, ждть тебя будем! На тебя да на царя вся надежда наша! Не подведи, мил человек! — с этими словами Фёдор и Никанор ушли в лесную чащу.

* * *

Прибыв в Казань примерно через две недели, гонец тут же доложил воеводе Сабурову и архиерею Иеремии. Промысел Божий охранял гонцов из Москвы в Казань, ни задержек, ни падежа лошадей, ни нападений татар или мордвы, или других лихих людишек, кроме встречи с Кудрей и Никанором — ничего такого в дороге не случилось. Всё было в точности исполнено по царёву указу. На месте сгоревшего дома Онучиных в честь обретения иконы был основан Девичий Богородицкий монастырь, каменные стены возвысились со временем чуть пониже Казанского Кремля. Недалеко от монастыря на царские деньги возвели строители новый дом Даниле, Прасковье

¹ Юрьев день — 9 декабря, единственный день в Древней Руси, когда крестьянам разрешалось переходить от одного землевладельца к другому. Точнее, переход разрешался в неделю до Юрьева дня и неделю после. Был отменён в конце XVI века в царствование Бориса Годунова

² Князь Михаил Федорович Бахтеяров был воеводой в Нижнем Новгороде в 1577–1579 годах



и детям их, старого Данилу сделали сотником стрелецкого гарнизона, жалование прибавили, дослужил он свой век в почёте и уважении.

Про встречу в нижегородском лесу Иван поведал воеводе Мстиславскому, а тот уже во всех услышанных подробностях царю! Царь пришёл в ярость и тут же написал воеводе Бутурлину в Орёл гневное письмо:

«Воеводе Орловскому Ефиму Бутурлину!

Ты что же, Ефим, собачий сын, такое творишь?! Службу воеводскую в Орле не сёшь, а что в вотчине твоей нижегородской делается, не знаешь?! Как твои приказчики губят в деревнях моих людей, народ православный?! К бунту и лихоимству их подвигают?!

Велю тебе, воевода Ефимка Бутурлин, тотчас же прибыть на Москву в Стрелецкий приказ! В приказе найдёшь сотника Ивана Гордеева! Вместе с ним, и с теми, кому он скажет, поедете в Нижний, в твою вотчину! Наведёшь там порядок! Людишек, что приказчиков твоих побили за дела лихие да беззаконные, я милую, в том Ивану Гордееву будет дана отдельная царская грамота! Месяц тебе сроку! Потом вернёшься на Москву, ко мне, буду думать, как с тобою быть дальше! А не наведёшь порядок, жалобы пойдут на тебя или людей твоих приказных, заберу твоё имение в казну государеву, а самого в острог! Ты меня знаешь! Государь и Великий Князь Всея Руси Иван Васильевич руку приложил!»

Скор был на расправу царь российский! От грозных царёвых слов орловского воеводу Бутурлина чуть не хватил удар. Спешно собравшись, он без промедления выехал в Москву, где его уже ждали предупреждённые стрельцы во главе с воеводой Мстиславским. Сотник Иван Гордеев лично ездил с воеводой Бутурлиным в Марьино Фёдора Кудрю с его людьми вызволять. В лесу их отыскал, помилование от царя зачитал, да разобрал людей, кто хлипкий, здоровьем слабый, увечный да пожилой, тех отправили в их родные деревни. Кто молодой, крепкий да отчаянный, не боится повоевать и царю послужить, тех к службе пристроили, обучили, обмундирование и оружие выдали. Федор Кудря с Никанором попали сперва в окраинные стрельцы, торговые караваны, пешие и речные, от ушкуйников¹ охранять, но ненадолго. Когда казачий атаман Ермак Тимофеевич затеял свой Сибирский поход и набирал себе отчаянных людей в пермских краях, примкнули Фёдор и Никанор к лихой казацкой ватаге. Прозвали их в Ермаковом войске — «Царёвы крестники!». Воевали в Сибири храбро, да и сложили голову в бою на Абалацком озере. Большая сеча получилась с войском сибирского царевича Маметкула!² Славную смерть приняли парни нижегородские, за дело Государеву! Вспоминали до последних дней своих Фёдор и Никанор добрым словом царя Ивана Васильевича, царя грозного, но справедливого! Был суров царь Иван к воеводам и боярам своим, заступался за простой народ, не боялся знать свою за козни да преступления на дыбу вздёргивать, имений лишать, ворованные деньги в казну возвращать, брать ответ с бояр за лихие дела!!!

Воеводе нижегородскому Михаилу Фёдоровичу Бахтеярову царь отправил указ об отставке и о переводе на Ливонскую войну, как сказал Иван Васильевич, «на правёж»!³ Когда воевода Бахтеяров был проездом в Москве и мельком видел царя, тот исподлобья бросил ему: «Не тех по лесам ловишь, шельмец! Из-за таких ротозеев, как ты, держава наша развалится когда-нибудь! Я земли собираю, должности вам даю, а вы у себя под носом разобрататься не можете, черти! Езжай, повоюй теперь, а то засиделся на печи нижегородской!»

А вот главные героини нашего повествования, девочки Саният и Матрёна, дружили до скончания века, только судьбы их сложилась по-разному... Саният обучилась грамоте, выучилась считать и по-русски, и по-арабски, Священный Коран весь прочла, книги про жизнь Пророка Мухаммеда, мир ему, и про святую Марьям

¹ Ушкуйники (старорусское) — речные разбойники

² Битва на Абалацком озере — 5 декабря 1582 года атаман Ермак Тимофеевич разбил десяти тысячную армию царевича Маметкула в сражении не на жизнь, а на смерть близ озера Абалак, что означало полное и окончательное завоевание Сибири

³ «На правёж» (старорусское) — «на исправление»

в Коране прочитала, и про сына её, Пророка Ису. Потом она вышла замуж за хорошего парня татарского, нарожала ему детишек, и жили они до старости в Татарской слободе. А сама Матрёна Онучина так часто вспоминала свою встречу в Пресвятой Богородицей, что решила стать сперва насельницей монастырской, потом невестой Христовой, постричься в монахини с именем Мавры, да так и осталась в построенном Богородицком монастыре¹, став со временем его настоятельницей. Дружили Саняйт и Матрёна меж собой всю жизнь, и многие в славной Казани равнялись на эту дружбу, брали с неё пример. Может, потому и стала Казань городом межнационального мира и согласия.

А сама икона Казанской Божьей Матери сыграла в истории России громадную роль! И поляков из Москвы с ней выгоняли в 1612 году, и в Северной войне она озарила русские войска своей небесной сенью, покровом, славными победами! Сам император Пётр Алексеевич молился перед Казанской иконой Божьей Матери накануне битвы под Полтавой в 1709 году. И фельдмаршал Кутузов перед списком Казанской иконы, именуемым «Северная», молился о победе над Наполеоном Бонапартом перед отправкой своей в отступающие русские войска летом 1812 года. На Невском проспекте в Санкт-Петербурге воздвигнут дивный Собор с колоннами в честь Казанской Иконы Божьей матери, в котором покоится прах Михаила Илларионовича Кутузова, победителя французского войска, победителя императора Наполеона.

А когда пришла уж совсем лихая година, и фашистские миллионные полчища вторглись на советскую землю², к Казанской Иконе Божьей Матери как к Заступнице земли нашей обратилось и руководство страны во главе с Главнокомандующим, Председателем Государственного Комитета Оборона, Маршалом Иосифом Виссарионовичем Сталиным. В трудные дни войны, в переломном 1943 году по его инициативе было решено возродить в СССР Патриаршество, открыть храмы и разрешить исповедывать Веру Христову, на которую ранее были гонения. Те же меры коснулись и Ислама, и других традиционных для России религиозных конфессий. Недаром же сам Сталин в ранней молодости был семинаристом Тифлисской духовной семинарии. С Чудотворной Казанской Иконой облетали и осаждённую Москву, и блокадный Ленинград, и в Сталинграде молились перед ней офицеры и солдаты! На самые трудные участки фронта, где шли жестокие, кровопролитные бои, привозили Икону, и везде, везде смертельный враг отступал, везде был побеждён и повержен! Святая Казанская Икона Божьей Матери — Заступница наша!

Но это, дорогой читатель, уже другая история!



¹ Насельница монастыря — послушница, девушка или женщина, которая живёт в монастыре до принятия пострига. Невеста Христова (старорусское) — монахиня

² Одна из причин разгромных поражений Красной Армии в первые дни Великой Отечественной войны заключается в том, что 22 июня 1941 года **единовременно** в СССР, с Северного фронта до Южного, от Кольского полуострова до Одессы, вторглась механизированная армия примерно **в пять миллионов человек (!!!)** немецких войск и их союзников. Такого чудовищного по силе военного удара не было в мировой истории.